

Терушкин Леонид

Научно-просветительный Центр «Холокост», Москва, Россия

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ХОЛОКОСТЕ.
ИЗ ПЕРЕПИСКИ 1943-1945 гг.**

Статья анализирует семейную (фронтовую и тыловую) переписку периода Второй мировой войны в контексте изучения Холокоста и преступлений нацизма на оккупированной Германией территории СССР. Письма солдат и офицеров Красной Армии, их близких содержат важные сведения о фактах злодеяний (имена, даты и места гибели жертв). Автор полагает, что документы личного происхождения имеют свои преимущества, если сравнивать с источниками официального происхождения.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, Холокост, евреи, письма, Красная Армия, преступления нацизма, коллаборационизм, жертвы войны

В год 75-летия окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн, мы продолжаем размышлять над вопросом, как это могло случиться. В жизнь вступили новые поколения людей, которым нужно объяснить, как стали возможны нацизм и его преступления. Даже почти 30 лет после распада СССР и образования на постсоветском пространстве независимых государств, вся правда о Холокосте и других преступлениях нацизма не сказана, подходы в их изучении разнятся, единые оценки трагического прошлого не выработаны, а собранные сведения требуют углубленного анализа и осмысления.

Изучение писем и дневников тех, кто прошел Великую Отечественную войну, тех для кого она навсегда осталась частью собственной биографии и семейной истории не является чем-то принципиально новым. Но в связи с отдалением от нас событий Великой Отечественной и Второй Мировой войны - это обращение становится все более важным и значимым. На протяжении последних двух-трех десятилетий мы являемся свидетелями «угасания» памяти о войне. Объективной правде и реальной памяти о войне противостоят многочисленные псевдообразы, утверждаемые, даже навязываемые, современной массовой культурой. Современное образование не в состоянии этой тенденции противостоять. К сожалению, образование само становится жертвой этих проявлений.

Поиск и изучение писем, дневников и других документов личного происхождения периода 1939–1945 гг. составляют одно из главных направлений деятельности Архива Российского Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост», особенно последние 20 лет. Прежде всего, интересна переписка воинов-евреев с их родными и товарищами по оружию. Это основной массив сохранившихся в семейных и личных архивах писем. Увы, лучше всего хранились письма тех, кто с войны не вернулся. Писали о том, что видели и чувствовали, о чем не могли не писать. Не только, чтобы поделиться – чтобы никогда не забыть. А тем более никто не мог быть уверен, что успеет рассказать об увиденном и пережитом лично, потом- шансов на возвращение живым было немного. Глазами свидетелей и очевидцев предстает перед нами война во всем множестве ее проявлений. Во многих письмах есть строки о судьбе еврейского населения оккупированных территорий (не только о родственниках). Впрочем, о преступлениях нацизма писали представители разных национальностей. Одни из них упоминали о жертвах среди «советских граждан» или «местных жителей», другие прямо писали, что «убивали евреев». Ведь ассимиляция советских евреев, привела к появления все большего количества смешанных семей. Очень многие советские

солдаты и офицеры (русские, украинцы, белорусы и др.) имели еврейских родственников, друзей, соседей. А нацисты на оккупированной территории СССР уничтожали и полукровок. Поэтому «особое» отношение нацистов к евреям ни для кого не было секретом, но вызывало порой еще «особую» ненависть к оккупантам.

«Особенно я боюсь за жену и детей. Если они не эвакуировались при приближении немцев, то я считаю их погибшими от рук фашистов, поголовно уничтожавших людей еврейского происхождения», — писал на уже летом 1945 г. вернувшийся из плена красноармеец Иван Полуянов из Белгорода [3, с. 265]. К счастью, его жена и дети спаслись.

Можно попробовать классифицировать письма-свидетельства о Холокосте и преступлениях нацистов.

Первую группу составляют письма фронтовиков. Некоторые из них узнали о массовых казнях евреев уже в начале осени 1941 года. Но тогда информации было еще очень мало. Подробности гибели родных красноармейцы смогли узнать в ходе войны, посетив вскоре после освобождения свои родные места. Как правило, они проводили там несколько дней, стараясь выяснить все подробности гибели близких.

Из письма старшего лейтенанта Анатолия (Нафтали) Фарбера сестре Ольге от 4 июня 1944 г. «В Уваровичах находились в «гетто». Сперва было спокойно, люди стали понемногу устраиваться как на продолжительное время. Точно дату не удалось установить. Примерно в декабре 1941-го или в январе [19]42-го г. оцепили «гетто», загнали всех в колхозный сарай. Оттуда выводили группами по пять человек к цементированным силосным ямам и пристреливали из автоматов. В ямы бросали также раненых и живых детей. Всех расстреляли в тот день — 260 человек. Две ямы до утра оставались открытыми, стоял стон, но никого близко не подпускали.

<...> Председатель Липского с/с просил, чтобы его первого пристрелили. Но его заставили смотреть на расстрелы до конца... Трудно передать, что я переживал, пока был там, слушал рассказы людей» [4, с.120]. Именно в Уваровичах Гомельской области Белоруссии погибли все родные А. Фарбера. В его письме отмечены встречи с земляками, их рассказы с важными деталями о разном отношении соседей к судьбе евреев — включая попытки сельского учителя спасти одного из детей и действия старосты, старавшегося сохранить жизнь евреям под предлогом необходимости использования их на сельхозработах в бывшем еврейском колхозе. Анатолий Фарбер встречался с очевидцами, фиксируя их рассказы по свежим следам. В письме

зафиксированы данные о повседневной жизни евреев в рабочем лагере и гетто в сельской местности — достаточно редко встречающиеся не только в официальных документах расследований преступлений оккупантов, но и в воспоминаниях уцелевших. А. Фарберу удалось установить обстоятельства гибели своих родных и число казнённых земляков (эти сведения не были зафиксированы в других документах). Можно сказать, что А. Фарбер самостоятельно проводил первое расследование обстоятельств трагедии.

Из письма лейтенанта Якова Бранопольского родным в эвакуацию от 29 марта 1944 г.

«<...> Находился я в Новогеоргиевске 3 дня. Каждый встречающий житель города, знающий меня, со слезами на глазах разговаривал со мной с тяжёлым сожалением о наших родителях. За нашего папу три деревни (крестьяне) ходили к старосте города просить, чтобы сохранить жизнь, и в результате чего ему было разрешено выехать в д. Чернечево, но через некоторое время он был вызван оттуда, и совместно с мамашей и всеми остальными евреями города [они] машинами были вывезены за город и расстреляны 9-го января 1942 года.

Папин «приятель», который жил напротив <...> Степан Шевченко, оказался на стороне немцев и всячески старался своими гнусными действиями изжить наших родителей, забрать их имущество и занять дом. Но с ним расправились партизаны, однако и я бы ему пощады не дал и расстрелял бы как собаку.

<...> не могу всего описать, что здесь происходило. Поле Слуцкой полицейский Кабачок выбил золотые зубы изо рта и забрал, после чего она сошла с ума. Над Лизонькой было вообще невиданное в мире издевательство. К ней домой приходил немецкий офицер и делал с ней, что ему хотелось. А когда её забрали на расстрел, то её заставили раздеться. Она разделась, причесала свои волосы и подошла к этому офицеру, и говорит ему, что я хочу, чтобы ты меня застрелил, и он без жалости расстрелял её и отнёс в овраг. Всех зверств не описать» [4, с.305-306].

Именно личные впечатления евреев-фронтовиков, посетивших места казни, либо получивших сведения от уцелевших соседей и родственников, а затем пересказавшие их в своих письмах, — одна из важнейших характерных черт переписки периода Великой Отечественной войны, как источника о Холокосте. Их особенность — как правило, сдержанные эмоции и мысли о мести.

В письмах 1943–1945 гг. информации о событиях Холокоста, о преступлениях нацистов постепенно становится все большее и больше — Красная армия освобождает территорию СССР и Европы. Солдаты и

офицеры Красной армии, евреи по национальности особенно интересовались судьбами своих соплеменников. Уцелевшие евреи в Польше, Литве, Румынии, Западной Белоруссии, не знавшие русского языка только с красноармейцами-евреями могли беседовать на идиш. Выжившие евреи молчать не могли, они «должны были рассказать».

У воинов-евреев, разумеется, был особый счет к немцам (их практически отождествляли с нацистами), но в их письмах за строками о ненависти к врагу буквально проступали слезы и кровь многих жертв.

Из фронтовых писем лейтенанта Григория Давидовича Рудина своей жене С. И. Рудиной в г. Кунгур (ныне – Пермской области).

«15 октября 1944 г. (окраины Риги). Третий день не покидает меня видение кошмарной картины – тела невинных советских людей, злодейски умерщвленных немецкими извергами в лесу вблизи города. И вот здесь, в уютной комнатке на втором этаже, не могу отвязаться от этого вида. 13 трупов, из них 3 – с желтыми шестиконечными звездами, с надписями по латыни и по-еврейски «еврей» во рву, наполненном сожженными телами (об этом говорят кости, пепел и т.п.), изуродованные, а потом расстрелянные зовут к мщению. Сердце пылает ненавистью к немцу. Временами трудно верится, что человеческая рука могла подняться на эту седую голову старухи, на всех других. Нет, не люди, а изверги, душегубы способны на такие поступки. Мне очень тяжело писать об этом и вообще... Но я хочу, чтобы вы знали еще раз о том, кто такие немцы, кто наш враг – враг всего человечества. Наш долг, наша святая обязанность убивать каждого немца, иначе он нас убьет» [1, л. 1]. Скорее всего, как подтверждается письмом ниже, речь идет о Румбульском лесе, где в ноябре-декабре 1941 г. были уничтожены почти все евреи Рижского гетто.

«Апрель 1945 г. Читала ли ты в «Правде» за 5.04.45 г. Сообщение Чрезвычайной комиссии о преступлениях немцев в Латвии? Вкратце о них я писал еще в октябре. В этом самом лагере Саласпилс мне довелось побывать, как и в Румбульском лесу, где мы наткнулись на свежие могилы с трупами. Как реликвию держу в кармане желтую звезду, снятую с убитой старенькой, как моя мать, женщины. Ведь я из Харькова получил письмо о судьбе близких родственников, не успевших эвакуироваться. Их судьба также печальна как многих рижан» [2, л.2].

Вторую группу свидетельств о Холокосте составляют письма евреев, скрывавшихся на оккупированной территории, посетивших вскоре после освобождения родные места, а также переписка родственников, часто разбросанных войной по всему СССР. Семейная

история была едва ли не единственным источником фиксации памяти о массовых уничтожениях евреев в годы войны. Уцелевшие евреи разыскивали своих родных, пытались узнать об их судьбе, о месте гибели и захоронения.

Ф. Я. Тарло, родственник погибших в г. Бар Винницкой области Украины, эвакуировался в Кузбасс и приезжал в родной город после освобождения. В июле 1944 г. он сообщал о гибели земляков сёстрам Эсфири и Фаине Пивенштейн, эвакуированным на Урал. Их родители были расстреляны оккупантами в Баре 19 августа 1942 года. Важно, что в письме говорится о судьбе многих родственников и соседей, погибших в период оккупации [4, с. 321-322].

Но реальная угроза жизни была и для детей-полукровок и даже для нееврейских родственников. Некоторые письма почти дословно передают последние слова и мысли жертв. Анна Сегеда из поселка Корюковка Черниговской области Украины в письме от 2 января 1944 г. с небывалым драматизмом передаёт сцену ареста трёх еврейских детей – своих двоюродных сестёр и брата: «Этой минуты никогда, никогда нам не забыть. Невинных малюток вели под конвоем, точно разбойников! Как они плакали, кричали: «Тётя Шура, спасите нас! Нас расстреляют!» <...> Их заперли в камере и продержали там 3 дня, а на 4-й день всех собрали (тогда забрали всех детей в Корюковке от еврейских матерей или отцов), их стали выводить и усаживать в машину, огороженную колючей проволокой» [4, с. 300]. В Корюковке в 1941-1942 гг. последовательно были уничтожены сначала евреи, потом дети от смешанных браков, а 1-2 марта 1943 г. оккупанты сожгли почти всю Корюковку (1390 домов) и уничтожили несколько тысяч жителей.

Письмо Зинаиды Серпик (Куклиной) написано 14 марта 1943 г., ровно через месяц после освобождения Ростова-на-Дону от германских войск. Письмо адресовано семье брата мужа- фронтовика, инженер-майора Исаака Михайловича Серпика.

«Все евреи, начиная с только что рождённого и кончая глубоким стариком, и все русские жёны евреев и их дети расстреляны. Русских людей расстреляно не меньше. Расстреляны: армяне, греки, грузины, калмыки и много людей других национальностей, которыми изобилует наша родина. У немцев логика короткая, как у грабителя и убийцы. Убить и ограбить» [4, с. 271].

Разумеется, в тот период З. Серпик не могла точно знать ни количество жертв, ни их национальный состав, ведь расследование преступлений оккупантов только начиналось. Все подробности и мас-

штабы уничтожения евреев были еще неизвестны многим фронтовикам. Об этом они тоже часто узнавали из писем родных и друзей.

Особая группа писем – сообщения соседей, друзей, о гибели евреев, членов их семей на фронте или на оккупированной территории, о местах захоронений. Родственники погибших писали с фронта, из эвакуации. Им отвечали порой на обороте писем-запросов, бумаги не хватало. Некоторые соседи в своих письмах пытались как-то утешить тех, кому сообщали о гибели близких, выразить сочувствие.

«Открытку вашу получили. Очень тяжело сообщать вам эту тяжелую весть. Стариков Иоффе немцы расстреляли в их дворе в конце августа 42 г. Это мы узнали из рассказа Бондаревского Петра Федоровича... Он нам сказал, что трупы находятся в щели во дворе, мы хотели их обнаружить, но нам это не удалось, т.к. очень много снега. Если только мы обнаружим трупы, то вам сразу сообщим» [4, с. 273]. Это письмо от 18 марта 1943 г. из г. Воронежа. Кстати, именно показания этих очевидцев о гибели семьи Иоффе вошли позже в официальные акты ЧГК. Поток писем такого характера начинается с весны-лета 1943 г., когда были освобождены многие районы СССР, как-то начала восстанавливаться почтовая связь.

Надежда Бормотова, жительница Симферополя в 1941–1942 гг. была свидетельницей уничтожения евреев города. После освобождения Крыма в мае-июне 1944 г. она вела переписку с Евгенией Аркадьевной (Айзиковной) Мерзон (Канищиковой) о судьбе её близких-младшей сестры Ривы, ее сына Жени 1941 г. р. и мужа, известного филолога, преподавателя Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (КГПИ, ныне — Таврический национальный университет им. В. В. Вернадского) Петра Михайлова.

«Пишу, как очевидец: Рива, Женечка и Пётр Митр[офанович] — все погибли одновременно, через месяц после того, как она была «помилована» как жена русского <...> тот ужас, который нам пришлось пережить в связи с чудовищной казнью евреев, навсегда останется в памяти» Евреи Симферополя были расстреляны в 9-13 декабря 1941 г. А Рива Канищикова получила «отсрочку». Но в феврале 1942 г. П.М. Михайлов «пошёл со всей семьёй и больше никто не возвратился» [4, с. 317-318].

Четвертая группа свидетельств о Холокосте – официальные письма или записки сотрудников советских учреждений, восстановленных после освобождения. Эти люди, как правило, были из местных жителей, они достаточно хорошо знали, что, где и когда совершили немцы и коллаборационисты в этих краях, знали погибших, их родных и близких.

Письмо секретаря горсовета Стародуба (ныне – Брянской области) М. Я. Паскову о гибели родных от 10 декабря 1943 г. «Горсовет сообщает, что Ваши родители Пасковы, а также брат с женой и детьми погибли от рук немецких палачей 1 марта [19]42 г., а девочка Вашего брата убита бомбой при бомбёжке. Та же участь постигла и Леванта, и Блюмкиных. Все они не эвакуировались и были сосланы в лагерь немцами, а потом расстреляны. Блюмкиных один сын был в военном училище, и тот в Стародубе не находился, погиб сын Александр, отец и мать. Вот всё, что мы можем Вам сообщить. Секретарь Горсовет [а] [Подпись]» [4, с.124].

Эти сведения являются часто единственным источником о судьбе жертв, месте и дате их гибели. Сегодня они еще хранятся в семейных архивах, как реликвии. Эти свидетельства всегда предшествовали расследованиям ЧГК и армейских политотделов. Кстати, многими мелкими населенными пунктами ЧГК просто не могла заниматься. Переписка военных лет является практически единственным историческим источником в наименьшей степени подверженный влиянию субъективных факторов, если сравнивать с официальными документами и воспоминаниями послевоенного периода. Авторы- фронтовики осознавали, что каждая строчка может стать последней, что следующего письма может уже не быть. И именно в переписке, созданной «здесь и сейчас», по горячим, порой кровавым следам, отражены факты, подробности и чувства очевидцев и участников событий, которые в дальнейшем выпали из памяти, трансформировались под влиянием времени, коллективной памяти, идеологических установок. Свидетельства о преступлениях нацизма, об уничтожении еврейского населения, запечатленные в письмах и дневниках являются одним из самых убедительных аргументов в противостоянии со сторонниками отрицания Холокоста, реабилитации нацистских преступников.

Изучение источников личного происхождения параллельно с другими источниками, их сравнительный анализ должны напоминать о том, что война стала поворотным моментом в судьбе каждого ее участника и свидетеля воина и тыловика, узника концлагеря, беженца, ребенка и взрослого. Погружение в повседневную микроисторию – такова цель изучения писем и дневников, семейной переписки.

1. Архив НПЦ «Холокост». (АНПЦХ). Личный фонд Г. Д. Рудина. – Фонд 59. – Оп.1. – Ед. хр. 38.

2. Архив НПЦ «Холокост». (АНПЦХ). Личный фонд Г. Д. Рудина. – Фонд 59. – Оп.1. – Ед. хр. 49.

3. «Сохрани мои письма...» // Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4 / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин // Под ред. и с предисловием И.А. Альтмана. – М.: Центр «Холокост», 2016. – 288 с.

4.«Сохрани мои письма...» Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 5 / Сост. Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин // Под ред. и с предисловием И.А. Альтмана. – М.: Центр «Холокост», 2019. – 368 с.

UNKNOWN EVIDENCE OF THE HOLOCAUST. FROM THE CORRESPONDENCE OF 1943-1945

Leonid Terushkin

*Scientific and educational Holocaust Center, Moscow, Russian Federation
arch-holofond@mail.ru*

The article analyzes family (front-line and rear-line) correspondence during the Second world war in the context of studying the Holocaust and the crimes of Nazism on the territory of the USSR occupied by Germany. Letters of soldiers and officers of the red Army and their relatives contain important information about the facts of atrocities (names, dates and places of death of victims). The author believes that documents of personal origin have their advantages when compared with sources of official origin.

Keywords: The Second World War, the Holocaust, the Jews, the letters, the Red Army, the crimes of Nazism, collaboration, victims of war.